

ния головного мозга (66,66%), пневмоторакс (23,07%) и подкапсульный разрыв селезенки (15,38%).

4. У большей части пострадавших – 11 (84,61%) человек – политравма соответствовала средней степени тяжести.

5. Средний койко-день пребывания пострадавших в реанимационном и травматологическом отделениях составил 19 дней.

6. Врач-психиатр, после консультации пострадавших, ни в одном из 13 клинических случаев не выставил диагноза, требующего лечения в условиях психиатрического стационара.

Литература:

1. Golshteyn G., Katsman A. Pediatric Trauma. *Clin Podiatr Med Surg.* 2022; 39 (1): 57-71. DOI: 10.1016/j.cpm.2021.08.001
2. Sool R., Kolves K., De Leo D. Suicide in Children: A Systematic Review. *Arch Suicide Res.* 2015; 19 (3): 285-304. DOI: 10.1080/13811118.2014.996694
3. Скрыбин Е.Г., Зотов П.Б., Аксельров М.А., Рейхерт Л.И., Спадерова Н.Н., Бухна А.Г. Преднамеренные самоповреждения с суицидальной и несуйцидальной целью. Глава 12 в кн.: «Суицидальные и несуйцидальные самоповреждения подростков» (под ред. проф. П.Б. Зотова). Тюмень: Вектор Бук, 2021. С. 262-285.
4. Baker S.P., O'Neill B., Haddon W., Long W.B. The injury severity score: a method for describing patients with multiple injuries and evaluating emergency care. *Trauma.* 1974; 14 (3): 187-196. DOI: 10.1097/00005373-197403000-00001
5. Зотов П.Б., Любов Е.Б., Скрыбин Е.Г., Аксельров М.А., Бухна А.Г. Суицидальные прыжки с высоты. Часть I: распространенность, факторы риска, классификация. *Суицидология.* 2021; 12 (2): 59-90.
6. Magerl F., Aebi M., Gertzbein S.D., Harms J., Nazarian S. A comprehensive classification of thoracic and lumbar injuries. *Eur Spine J.* 1994; 3 (4): 184-201.
7. Ваккаро А.Р., Барон И.М. Хирургия позвоночника. Оперативная техника: Издательство Панфилова, 2015. 422с.
8. Скрыбин Е.Г., Буксеев А.Н., Зотов П.Б., Курмангулов А.А., Аксельров М.А. Повреждения позвоночника у пациентов детского возраста с множественной и сочетанной травмой. *Политравма.* 2022; 1: 38-46. DOI: 10.24412/1819-1495-2022-1-38-46

FRACTURES OF THE BONES OF THE SKELETON IN ADOLESCENTS, COMMITTED SUICIDAL ACTION

E.G. Skryabin^{1,2}, P.B. Zotov², M.A. Akselrov^{1,2}

¹Tyumen State Medical University, Tyumen, Russia

²Regional Clinical Hospital № 2, Tyumen, Russia

An analysis of 13 clinical cases of diagnosis and treatment of multiple and combined damage to the skeleton bones after adolescents of 14-17 years of suicidal action by jumping from a height of 4-12 floors. In the course of the study, the frequency and localization of the damage to the bone system, the severity of the damage obtained were established, the methods of

treatment were presented. None of the clinical cases in a psychiatrist did not exhibit a diagnosis requiring treatment under a specialized hospital.

Keywords: adolescents, fractures of skeleton bones, suicidal actions

Сведения об авторах:

Скрыбин Евгений Геннадьевич – д.м.н. (SPIN-код: 4125-9422; Researcher ID: J-1627-2018; ORCID iD: 0000-0002-4128-6127). Место работы и должность: врач травматолого-ортопедического отделения детского стационара ГБУЗ ТО «Областная клиническая больница № 2». Адрес: 625039, г. Тюмень, ул. Мельникайте, 75; профессор кафедры травматологии и ортопедии ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет» Минздрава России. Адрес: Россия, 625023, г. Тюмень, ул. Одесская, 54. Электронная почта: skryabineg@mail.ru

Зотов Павел Борисович – д.м.н., профессор (SPIN-код: 5702-4899; Researcher ID: U-2807-2017; ORCID iD: 0000-0002-1826-486X). Место работы и должность: заведующий кафедрой онкологии ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет» Минздрава России. Адрес: 625023, г. Тюмень, ул. Одесская, д. 54; руководитель НОП «Сибирская Школа превентивной суицидологии и девиантологии». Адрес: 625027, г. Тюмень, ул. Минская, 67, к. 1, оф. 102. Телефон: +7 (3452) 270-510, электронная почта (корпоративный): note72@yandex.ru

Аксельров Михаил Александрович – д.м.н., доцент (SPIN-код: 3127-9804; ORCID iD: 0000-0001-6814-8894). Место работы и должность: заведующий кафедрой детской хирургии ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет» Минздрава России. Адрес: 625023, г. Тюмень, ул. Одесская, 54; заведующий детским хирургическим отделением №1 ГБУЗ ТО «Областная клиническая больница № 2». Адрес: 625039, г. Тюмень, ул. Мельникайте, 75. Электронная почта: akselrov@mail.ru

Для цитирования: Скрыбин Е.Г., Зотов П.Б., Аксельров М.А. Переломы костей скелета у подростков, совершивших суицидальные действия. *Академический журнал Западной Сибири.* 2022; 18 (1): 7-10. DOI: 10.32878/sibir.22-18-01(94)-7-10

УДК 616.89-008

ПАКТ О САМОУБИЙСТВЕ

А.В. Филоненко, А.В. Голенков, В.А. Филоненко

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия

Суицидальная договоренность обычно относится к одновременному самоубийству двух или более близких людей по схожим мотивам. Целью работы явилось обобщение сведений литературы о «суицидальных пактах» (двойном суициде). Социальная изоляция партнеров, серьезные проблемы со здоровьем одного или обоих

являются ответственными предикторами риска суицидального договора (пакта) пары. Психологическая аутопсия, судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертизы, как и следственные действия могут способствовать более надежной квалификации случаев пактов о самоубийстве (убийств-самоубийств). Проблема заслуживает серьезного обсуждения и глубокого изучения, разработки стратегии предотвращения.

Ключевые слова: пакт о самоубийстве, двойной суицид, убийство-самоубийство

Когда два человека совершают самоубийство по взаимному согласию в одно и то же время и в одном и том же месте, это называется диадической смертью (двойным суицидом – double suicides). В подавляющем большинстве случаев люди, совершающие самоубийство, совершают это в одиночку. В исключительных случаях самоубийства могут быть совершены по обоюдному согласию двух или более человек. Это так называемые пакты о самоубийстве (suicide pacts). Мотивы и методы исполнения этих деяний разнообразны [1]. Необычный вариант диадической смерти – это сочетание филицида с самоубийством матери в состоянии послеродовой депрессии [2]. Обсуждение различных аспектов пактов о самоубийстве представляется нам весьма актуальным.

Цель – обобщение сведений литературы о «суицидальных пактах» и предполагаемой стратегии их предотвращения.

Обычно пакты о самоубийстве заключаются в контексте семейной жизни и составляют незначительную часть общего уровня самоубийств. M. Liem и соавт. констатируют, что уровень такого рода самоубийств в год составляет 0,06 на 100 000 человек в Англии и Уэльсе, 0,11 – в Австралии, 0,38 – в Японии, 0,07 – в Новой Зеландии и 0,21 – в Соединенных Штатах [3]. На долю этого события приходится менее 1% от общего числа самоубийств [4].

По сведениям M.A. Mamun, социальная изоляция, пребывающих в браке супругов, серьезные проблемы со здоровьем одного или обоих партнеров являются ответственными предикторами риска суицидального пакта пары. Сложности добрачных отношений, невозможность иметь детей, финансо-

вые трудности также могут быть причинами самоубийства. Для детских суицидов существуют два аспекта, ведущих к трагедии. Во-первых, это мотивационные причины (альтруизм, острый психоз, нежеланный ребенок, случайность и месть супруга). Во-вторых, это побудительный момент происхождения намерения (избиение матерей, психически больные матери, мстительность матерей, третирование детей и убийство из милосердия). Такие проблемы, как частые депрессии, психозы и суицидальное поведение, предшествующее лечению психических расстройств, наряду с хроническими физическими страданиями, нездоровой семейной средой, состоящей из насилия, жестокого обращения, усугубляют частоту детских самоубийств [5].

Большинство жертв пакта о самоубийстве – супружеские пары, с наличием у одного или обоих партнеров серьезного физического заболевания. Пандемия COVID-19 внесла свой вклад в распространенность совместного суицида. Причины, лежащие в основе пактов о самоубийствах, связанных с COVID-19, включают страх заражения, финансовые проблемы, социальный бойкот со стороны окружающих, невозможность вернуться домой из-за границы. Случай триадного суицида, описанный M.A. Mamun и соавт., связан с неразрешенным спором, обусловленным проблемами онлайн - обучения, вызванным карантином COVID-19 и политикой пространственного дистанцирования в семье между матерью с сыном и отцом [6].

По мнению S. Sarkar и соавт., в большинстве пактов о самоубийстве два человека заключают договор, чтобы покончить с собой и делают это, чтобы избежать разлуки друг с другом из-за любви и близости между собой. В описанном авторами случае люди, заключившие пакт, сделали это, чтобы избежать социального унижения. Кроме того, этот случай предполагает, что многие дети вступают в договор импульсивно покончить с собой, не понимая последствий. Самоубийства по договору связаны с бесплодными парами, разочарованными любовниками, незамужними сестрами, разочарованными

людьми или женщинами на склоне лет, которые заканчивают свою жизнь и жизнь своих детей из-за семейных обстоятельств или финансовых трудностей [7].

Жертвы пакта о самоубийстве часто выбирают такие методы, как повешение, отравление, применение огнестрельного оружия, прыжки с высоты. С. Behera и соавт. описывают случай самоубийства в результате утопления, когда мужчина и женщина, оба молодые люди, состоящие в отношениях приёмного «брата по расчету», были найдены утонувшими в реке. Жертвы были связаны вместе за запястья, что помогло авторам сделать вывод, что это был договор о самоубийстве. В этой работе также обсуждается судебно-медицинское значение связывания запястий в случаях утопления [8].

I.M. Hunt и соавт. описали контингент психиатрических пациентов, окончивших жизнь в результате суицидального пакта. Авторы изучили социальные и клинические характеристики случаев пакта в Англии и Уэльсе, используя выборку национального клинического обследования людей, которые ушли в результате пакта о самоубийстве и недавно (менее 12 месяцев) обращались в службы охраны психического здоровья. За период исследования (1996-2005 гг.) было зарегистрировано 278 случаев самоубийства, которые умерли в результате пакта, 77 (28%) из которых были под наблюдением. Наиболее распространенной причиной смерти в целом было отравление угарным газом, но те, кто контактировал со службами, с большей вероятностью использовали более жестокие методы по сравнению с другими жертвами пакта. Почти половина (47%) страдали аффективным расстройством, а 68% ранее наносили себе вред. Более четверти (29%) умерли в течение трех месяцев после выписки из психиатрической больницы, а 36% пропустили свой последний визит к врачу. Случаи пакта с большей очевидностью, чем случаи одиночного самоубийства, имели недавние неблагоприятные жизненные события, как правило, семейные проблемы. Меры, которые могут предотвратить суицидальные пакты у пси-

хически больных, включают эффективное лечение депрессии и более пристальное наблюдение как в стационаре, так и в амбулаторных условиях. Осведомленность об атмосфере семейной среды может способствовать снижению риска [9].

Результаты исследования S.Y. Lee и соавт. показывают, что Твиттер (Twitter) является привлекательным местом, где люди пытаются встретиться с другими, чтобы заключить договор о самоубийстве. Предполагается, что системные администраторы могут и должны попытаться предотвратить случаи самоубийств, вызванных суицидальными договорами, заключенными через интернет [10].

Среди многочисленных постгомицидных самоубийств «пакт о самоубийстве» (suicide pact) нам встретился всего в двух случаях, причем один из них мы привели в статье [11]. Тогда была договорённость между взрослыми людьми (матерью 55 лет и её дочерью 35 лет) о совместном самоубийстве, но в результате которого погиб (был убит) ещё и ребенок 8-9 лет (внучка). В репортаже указывалось, что ребенок до последнего сопротивлялся попытке спрыгнуть вместе со своей матерью и бабушкой с крыши высотного дома и хотел остаться жить. По сведениям прессы, мать многие годы наблюдалась в психоневрологическом диспансере, поэтому мы высказали предположение об индуцированном бредовом расстройстве (либо конформном бреде) у взрослых участников этого самоубийства [11]. В интернете среди причин обсуждался семейный конфликт с семьей второго малолетнего ребенка, депрессия в послеродовом периоде. В другом случае мужчина 55 лет убил в квартире ножом и с помощью удавки свою пожилую мать (75 лет) и дядю (ее родного брата матери 74 лет), а потом сразу сам отравился газом. По мнению следствия, имел место «пакт о самоубийстве» и предположения, что убийство больных престарелых людей могло совершиться из «милосердия» («сострадания»). Мы согласны с S. Prat и соавт., что во многих случаях трудно установить, наступила ли смерть в результате сговора о самоубийстве или в результате

убийства-самоубийства без согласия потерпевшего. Объективный элемент в таких случаях – предсмертная записка и мотив необходимы для доказательства того, что речь идет о сговоре о самоубийстве [4]. В России и многих странах мира психологическая аутопсия (вскрытие) в таких случаях не проводится, а посмертная судебно-психиатрическая экспертиза не назначается. Между тем, указанные мероприятия, могли бы в ряде случаев определить наличие возможных психических расстройств у участников пакта о самоубийстве.

Сказанное подтверждается Миланским институтом судебной медицины, проанализировавшим 4596 случаев самоубийств (с 1993 по 2020 гг.). Среди них было зарегистрировано шесть пактов о самоубийстве, в которых участвовали две пары друзей, две пары супругов, одна пара любовников и одна пара однояйцевых близнецов. Огнестрельное оружие и отравления оказались наиболее распространенными методами такого самоубийства. Суицидальные записки были задокументированы в четырех случаях, в которых сообщались причины и согласие потерпевших. Суицидальные записки позволили правильно идентифицировать пакты о самоубийстве. Кроме того, они часто объясняли причины, которые оказались часто связанными либо с психическими расстройствами, либо с финансовыми проблемами. В остальных случаях отсутствие прощальных записок затрудняло судебно-медицинское расследование, особенно для установления дифференциального диагноза с убийствами-самоубийствами без явного согласия потерпевших. Одним словом, всегда требуются междисциплинарные навыки, в том числе полная судебно-медицинская аутопсия с дополнительным патологоанатомическим анализом (токсикология, гистопатология и судебно-медицинская генетика) для надежной квалификации пакта о суициде [12].

Несмотря на малую распространенность суицидов по договору (пакту), проблема заслуживает серьезного обсуждения и разработки стратегии предотвращения. Психологическая аутопсия, судебно-медицинская и

судебно-психиатрическая экспертизы [13, 14, 15], как и следственные действия могут способствовать более надежной квалификации случаев пактов о самоубийстве (убийств - самоубийств) и их накоплению для пристального изучения.

Литература:

1. Brulin-Solignac D., Le Bihan P., Bouchard J.P. Suicides avec pactes suicidaires [Suicides with suicide pacts]. *Rev. Infirm.* 2021; 70 (270): 22-23. French. DOI: 10.1016/j.revinf.2021.02.008
2. Голенков А.В., Филоненко В.А., Сергеева А.И., Филоненко А.В. Мотивы филицида послеродовой депрессии. *Психическое здоровье.* 2021; 3: 34-41. DOI: 10.25557/2074-014X.2021.03.34-41
3. Liem M., Barber C., Markwalder N., Killias M., Nieuwebeerta P. Homicide-suicide and other violent deaths: an international comparison. *Forensic Sci. Int.* 2011; 207 (1-3): 70-76. DOI: 10.1016/j.forsciint.2010.09.003
4. Prat S., Rérolle C., Saint-Martin P. Suicide pacts: six cases and literature review. *J. Forensic Sci.* 2013; 58 (4): 1092-1098. DOI: 10.1111/1556-4029.12056
5. Mamun M.A. The first COVID-19 triad (homicide!)-suicide pact: Do economic distress, disability, sickness, and treatment negligence matter? *Perspect. Psychiatr. Care.* 2021; 57 (3): 1528-1531. DOI: 10.1111/ppc.12686
6. Mamun M.A., Chandrima R.M., Griffiths M.D. Mother and son suicide pact due to COVID-19-related online learning issues in Bangladesh: an unusual case report. *Int. J. Ment. Health Addict.* 2020; 1-4. DOI: 10.1007/s11469-020-00362-5
7. Sarkar S., Srinivas B., Grover S. Quadruple pact suicide attempt involving a man and three adolescents. *Indian J. Psychol. Med.* 2014; 36 (4): 422-424. DOI: 10.4103/0253-7176.140736
8. Behera C., Karthik K., Singh H., Deepak P., Jhamad A.R., Bhardwaj D.N. Suicide pact by drowning with bound wrists: a case of medico-legal importance. *Med. Leg. J.* 2014; 82 (1): 29-31. DOI: 10.1177/0025817213508676
9. Hunt I.M., While D., Windfuhr K., Swinson N., Shaw J., Appleby L., Kapur N. Suicide pacts in the mentally ill: a national clinical survey. *Psychiatry Res.* 2009; 167 (1-2): 131-138. DOI: 10.1016/j.psychres.2008.05.004
10. Lee S.Y., Kwon Y. Twitter as a place where people meet to make suicide pacts. *Public Health.* 2018; 159: 21-26. DOI: 10.1016/j.puhe.2018.03.001
11. Голенков А.В., Орлов Ф.В., Булыгина И.Е., Деомидов Е.С. Постгомидные самоубийства в России. *Суицидология.* 2019; 10 (2): 32-41. DOI: 10.32878/suiciderus.19-10-02(35)-32-41
12. Galante N., Gentile G., Tambuzzi S., Zoja R. Suicide pacts in the Milan district (Italy): A retrospective autopsy-based study with literature review. *J. Forensic Leg. Med.* 2022 Feb; 86: 102319. DOI: 10.1016/j.jflm.2022
13. Сыроквашина К.В. «Психологическая аутопсия» при суициде: история вопроса и современное состояние. *Суицидология.* 2018; 9 (3): 80-86. DOI: 10.32878/suiciderus.18-09-03(32)-80-86
14. Михайлова Н.Ю., Голенков А.В. Анализ посмертных комплексных судебных психологического - психиатрических экспертиз, связанных с самоубийствами. *Девиятология.* 2020; 4 (2): 46-53. DOI: 10.32878/devi.20-4-02(7)-46-53
15. Бертовский Л.В., Глазунова И.В., Маслов И.В. Понятие и технология криминалистического распознавания самоубийства. *Суицидология.* 2019; 10 (1): 105-111. DOI: 10.32878/suiciderus.19-10-01(34)-105-111

SUICIDE PACT

A.V. Filonenko, A.V. Golenkov, V.A. Filonenko

I.N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

A suicidal arrangement usually refers to the simultaneous suicides of two or more loved ones for similar motives. The aim of the work was to summarize the literature on "suicide pact" (double suicide). Social isolation of partners, serious health problems of one or both are responsible predictors of the risk of a couple's suicidal pact. Psychological autopsy, full forensic autopsy with ancillary postmortem analyses and forensic psychiatric examinations, as well as investigative actions can contribute to a more reliable qualification of cases of suicide pacts (homicide-suicides). The problem deserves serious discussion and in-depth study, the development of a prevention strategy.

Key words: suicide pact, double suicide, homicide-suicide

Информация об авторах:

Филоненко Александр Валентинович – к.м.н., доцент (SPIN-код: 8545-8680; ORCID iD: 0000-0001-7236-5410). Место работы и должность: доцент кафедры педиатрии и детской хирургии ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», БУ «Республиканская детская клиническая больница». Адрес: г. Чебоксары, Московский проспект, 15. Электронная почта: filonenko56@mail.ru

Голенков Андрей Васильевич – доктор медицинских наук, профессор (SPIN-код: 7936-1466; Researcher ID: C-4806-2019; ORCID ID: 0000-0002-3799-0736; Scopus Author ID: 36096702300). Место работы и должность: заведующий кафедрой психиатрии, медицинской психологии и неврологии ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». Адрес: г. Чебоксары, ул. Пирогова, 6. Электронная почта: golenkovav@inbox.ru

Филоненко Вера Александровна – главный научный сотрудник (SPIN-код: 4288-3913; ORCID iD: 0000-0003-3872-5923). Место работы и должность: отдел международного образования ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». Адрес: г. Чебоксары, Московский проспект, 15. Электронная почта: filvee@mail.ru

Для цитирования: Филоненко А.В., Голенков А.В., Филоненко В.А. Пакт о самоубийстве. *Академический журнал Западной Сибири*. 2022; 18 (1): 10-14. DOI: 10.32878/sibir.22-18-01(94)-10-14

УДК 616.89-008

ЛИЧНОСТНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РИСКА СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Э.С. Мехтиев

Главный Клинический госпиталь Министерства обороны Азербайджанской Республики, г. Баку, Азербайджан

Изучение личностно-психологических факторов риска суицидального поведения у военнослужащих с психическими расстройствами на основе проведенного анализа их личностных особенностей показал, что у офицерского и рядового состава имеются значительные различия. Комплексная оценка влияния клиничко-психопатологических, личностно-психологических и ситуационных факторов на риск суицидального поведения у больных с психическими расстройствами позволяет сделать вывод о том, что суицидальное поведение – это результат сложного взаимодействия всех вышеуказанных детерминант, приоритетное значение которых в каждом конкретном случае неоднозначно. Для повышения эффективности мероприятий по своевременной диагностике, дифференцированной терапии и профилактике суицидального поведения у лиц с психическими расстройствами необходима разработка типологии механизмов, суицидального поведения, позволяющая выделить ведущее, системообразующее звено в сложном взаимодействии основных факторов суицидального риска: психопатологический синдром – личность – ситуация.

Ключевые слова: военнослужащие, суицидальное поведение, личностные особенности, диагностика, терапия

Аутоагрессивное поведение широко представлено в популяции. По данным исследователей, вероятность совершения подростками суицидальных действий в три и более раза превышает показатели в старших возрастных группах [1, 2, 3, 4, 5, 6]. Самоубийства у лиц в возрасте до 25 лет составляют примерно 19% от общего их числа [3].

Армия является зеркальным отражением общества и его проблем. Призывники, поступающие в армейские подразделения, приносят с собой и свои медицинские и социально-психологические проблемы. По-